

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/13

Славянская языковая личность в неславянском окружении (на материале речи русских и их потомков в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР)

Е.А. Оглезнева¹, С.В. Гордеев²

¹ Томский государственный архитектурно-строительный университет
Россия, 634003, г. Томск Соляная площадь, 2

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

² Хэйхэский университет, Хэйхэ, Китай

E-mail: gordeev-sergei@inbox.ru

Авторское резюме

Представлена типология языковых личностей русских и их потомков, проживающих на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района в Китае. Русские, представители восточнославянской языковой группы, на протяжении длительного времени, с середины XIX в. до настоящего времени, проживают в Синьцзяне, в окружении носителей 53 генетически неродственных (сино-тибетских, алтайских, тайских, австроазиатских) и типологически отличных (изолирующих и агглютинирующих) языков, и сохраняют родной язык. Актуальность исследования определяется необходимостью выявления собственно лингвистических и экстралингвистических факторов, определивших высокую степень витальности индоевропейского флективного славянского языка – русского в нетипичных условиях языкового существования, а именно вне метрополии, на исторически неисконной территории, в ситуации выраженного многоязычия. Новизна исследования определяется полученными новыми данными для сравнительно-сопоставительного анализа состояния русского языка в русскоязычных анклавах на территории Китая. Объектом анализа выступают языковые личности русских и их потомков, проживающих в настоящее время в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР, КНР). Изучение языковых личностей русских и их потомков осуществлено на фоне нестандартной языковой ситуации с участием демографически маломощного, но демонстрирующего высокую коммуникативную мощь русского языка – языка немногочисленного славянско-

го этноса в Синьцзяне. Выявлено несколько типов языковых личностей русских и их потомков в современном Синьцзяне. Отличительной чертой русскоязычного анклава в Синьцзяне является сохранение этнических русских до третьего поколения, хорошо говорящих на русском языке, несмотря на рождение и жизнь вне метрополии.

Ключевые слова: русский язык в Китае, Синьцзян, языковая ситуация, многоязычие, языковая личность, витальность языка

Slavic language personality in a non-Slavic environment (based on the speech of the Russians and their descendants in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China)

Elena A. Oglezneva¹, Sergey V. Gordeev²

¹ Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering

2 Solyanaya Square, Tomsk, 634003, Russia

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

² Heihe University, Heihe, China

E-mail: gordeev-sergei@inbox.ru

Abstract

The article presents the typology of language personalities of the Russians and their descendants living in the territory of the modern Xinjiang Uygur Autonomous Region in China. Russians, representatives of the East Slavic language group, have been living in Xinjiang since the middle of the 19th century. Nowadays, they are surrounded by the speakers of fifty-three genetically unrelated (Sino-Tibetan, Altai, Thai, Austroasiatic) and typologically different (isolating and agglutinating) languages, but they keep their native language. The relevance of the study is determined by the need to identify the linguistic and extralinguistic factors that determined the high degree of vitality of the Indo-European inflexional Slavic language – Russian – in atypical conditions of language existence, namely, outside the metropolis, in historically non-native territory, in a situation of pronounced multilingualism. The authors use new data for the comparative analysis of the Russian language state in the Russian-speaking enclaves in China. The object of the analysis is language personalities of the Russians and their descendants currently living in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (XUAR, PRC). Russian language personalities and their descendants were studied against the background of a non-standard linguistic situation, where the Russian language, though demographically weak being the language

of a small Slavic ethnic group in Xinjiang, demonstrates high communicative power. The authors have identified several types of language personalities of the Russians and their descendants in modern Xinjiang. The distinctive feature of the Russian-speaking enclave in Xinjiang is the preservation of ethnic Russians up to the third generation, who speak Russian well, despite being born and living outside the metropolis.

Key words: Russian language in China, Xinjiang, language situation, multilingualism, language personality, language vitality

Географическая сопредельность России и Китая привела к разнообразным формам взаимодействия народов этих стран и их языков. На территории Китая ещё до конца XIX в. сложилось несколько славянских анклавов: на северо-востоке Китая, в городе Харбине и по линии Китайско-Восточной железной дороги, где проживали занятые на строительстве КВЖД русские, поляки, украинцы, белорусы; в Трёхречье, где обосновались русские казаки и крестьяне из Забайкалья; на правобережье Амура, куда переселялись с левого российского берега Амура русские и украинцы [10; 18: 80–82; 19: 301]. Самый многочисленный славянский анклав в Китае, представленный русскими и их потомками, находится в Синьцзяне – Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), на северо-западе страны, граничащем с Монголией, Россией, Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Индией и Пакистаном.

История возникновения русского анклава в китайском Синьцзяне

Одними из первых в Синьцзяне появились русские старообрядцы, которые в 30-е гг. XIX в. обосновались в посёлках Канас и Ком [30: 22–23]. Оставаясь закрытыми для внешнего мира, старообрядцы сохраняли архаичный русский язык и вели автономный образ жизни [33: 66].

В 1851 г. в Синьцзяне после подписания Кульджинского договора появились российское консульство и торговое представительство, позволившие купцам из России попасть в Илийский край на севере Синьцзяна, после чего туда начали переселяться русские поселенцы [11: 75; 35: 250].-

В 70-е гг. XIX в. численность русского населения в Синьцзяне составляла около 2 тыс. человек и была представлена русскими крестьянами, рабочими, казаками, военными, торговцами [21: 200; 27: 22–23]. Большинство из них проживало в Урумчи, Суйдуне, Чугучаке и Кульдже [5: 63]. Именно они представляли *первую русскую переселенческую волну* в Синьцзян [7: 34, 38; 9: 31].

В начале XX в. русские продолжали успешно интегрироваться на территории Синьцзяна. Численность занятого в торговле и на производстве русского населения оставалась довольно значительной: так, в 1907 г. в Синьцзяне было около 10 тыс. русских торговцев; было открыто 290 торговых лавок только в Чугучаке, а в Кульдже появился российский торговый квартал [1: 53; 14: 66]. Русский язык играл в Синьцзяне того времени важную роль, функционируя в экономической сфере: торговля российскими купцами осуществлялась на русском языке, и не только со своими соотечественниками, но и с представителями других национальностей.

Вторая русская переселенческая волна в Синьцзян была более многочисленной и пришлась на 1917–1922 гг. По причине Гражданской войны в России в Синьцзяне оказались значительные формирования Белой армии, а также представители купечества и крестьянства, не принявшие советскую власть [16: 4]. В 1920-е гг. русских в Синьцзяне было 19 392 человека. Они занимали седьмое место по численности среди представителей других национальностей Синьцзяна [17: 127–128].

Третья волна русского переселения в северо-западный Китай пришла на 1930–1940-е гг., и она увеличила количество русских там. Главной причиной переселения из Советской России стала коллективизация и разразившийся там голод. В результате в Синьцзян бежали крестьяне, казаки из Семиречья (юго-восточная часть Казахстана), священнослужители. Кроме того, после 1938 г. была осуществлена депортация китайского населения с территории Дальнего Востока. Многие китайцы, проживавшие на дальневосточных российских территориях, состояли в браке с русскими женщинами, и депортация затронула всех членов китайско-русских семей. По прибытии в Китай они получили гражданство Китая, став частью населения Синьцзяна [2]. К концу 1934 г. в Синьцзян прибыло 15 тыс. русских переселенцев, среди которых было много крестьян. Появилось большое количество населённых пунктов, где говорили на русском языке: села Луцаогоу в уезде Суйдун, Каладала в уезде Текес, Дасигоу в уезде Хочэн, Айрамбак в районе г. Кульджа (современный Инин), Русское в уезде Нилки и др. [30: 23]. Таким образом, к концу 1930-х гг. в Синьцзяне проживало более 50 тыс. русских [2]. Кроме того, в 1930-е гг. в Синьцзяне была и большая община старообрядцев, которые переселились из Казахстанского Алтая [22: 72].

В середине 1930-х гг. в Кульдже и Урумчи появились русские кварталы, а вместе с ними и различные эмигрантские организации, театр, кино, русские общественные клубы и др. [16: 4]. В 1940–1950-е гг. основным русскоязычным печатным изданием Синьцзяна была

газета «Вестник народа», а также газета «Голос Родины» и журнал «Отчизна» [15; 32: 95–97]. Первые русские школы Синьцзяна открылись ещё в дореволюционное время [11: 76]; к 1950 г. в «русской столице Синьцзяна» Кульдже было три русских школы [25]; в Урумчи – Синьцзянская правительственная гимназия [28: 136]. Русские школы просуществовали до 1960-х гг. – до культурной революции [20: 2633].

Повседневное общение русскоязычного населения Синьцзяна происходило на русском языке. Представители старшего поколения русских, по воспоминаниям их потомков, требовали, чтобы дети дома говорили только по-русски: *Старшая Аня / Анюта / вторая Пута / третья Тоня // <...> Нет / китайских имен нет у нас // <...> Я вообще им запрещал / чтоб между собой по-китайски дома не говорили ...* // [24].

Массовый отъезд русскоязычного населения из Синьцзяна начался в середине 1960-х гг. во время культурной революции. Потомки от смешанных браков русских и китайцев отправлялись в трудовые лагеря на перевоспитание, а «чистокровным» русским позволили эмигрировать [23]. Русские, оставшиеся в Синьцзяне, в этих условиях сознательно отказывались обучать своих детей русскому языку [26: 127].

Жизнь русских и их потомков в Синьцзяне начала налаживаться только к 1980-м гг. Начался новый период в политической и экономической жизни Китая, а вместе с тем и новый период в жизни потомков русских переселенцев. Русский язык в Синьцзяне снова стал свободно использоваться в повседневном общении; начали восстанавливать православные храмы, в 1985 г. открылась Кульджинская русская школа: *А вот в восьмь пятом году обратно открыли / школу // Вот наша сестрёнка / братишка / они ешо учились там // (С)перва открыли класс / а после уже школа...* // [24].

К 1990 г. численность русскоязычного населения составила 8 065 человек (0,053 % от общей численности населения СУАР), после чего она начала постепенно расти и остается стабильной [11: 78]. На сегодняшний день русскоязычная диаспора Синьцзяна является самой многочисленной русскоязычной диаспорой в Китае и включает около 12 тыс. человек [3: 167].

О специфике современной языковой ситуации в СУАР

Нахождение русских в Синьцзяне в окружении различных этнических групп, культур и религий определило особую по количественным, качественным и оценочным параметрам языковую ситуацию в СУАР. Языковая ситуация (ЯС) понимается нами традиционно как «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотно-

шении и функциональном взаимодействии в границах определённых географических регионов или административно-политических образований» [4: 5693].

Уникальность ЯС в современном Синьцзяне определяется исключительным разнообразием языков, функционирующих на этой территории. По данным правительства Синьцзяна, в настоящее время на данной территории проживают представители 55 народностей Китая, численность которых составила в 2017 г. более 22 млн человек [34: 1448]. К ним относятся уйгуры, китайцы, казахи, киргизы, монголы, узбеки, дулуны, дауры, салары, ачаны, буланы, дайцы, шуйцы, корейцы, тибетцы, русские и многие др. [36]. Соответственно, в Синьцзяне говорят на уйгурском, китайском, казахском, киргизском, монгольском, узбекском, даурском, саларском, ачанском, дайском, шуйском, корейском, тибетском, русском и других языках. В СУАР используется как минимум 53 языка, которые в совокупности демонстрируют *поликомпонентность, многоязычность и дисгармоничность* языковой ситуации в современном Синьцзяне [7: 34, 38; 9: 31]. Некоторые языки имеют особый статус и используются как в неофициальной, так и официальной коммуникации устно и письменно. Так, уйгурский язык имеет статус титульного языка, а китайский – государственного языка. Оба названных языка обладают статусом официальных и используются в судопроизводстве, делопроизводстве и законодательстве [13: 141; 29]. Официальным статусом также обладают монгольский, киргизский и казахский языки [12: 113; 29; 31: 37]. В то же время многие языки Синьцзяна функционируют, как правило, в бытовой сфере внутри своей этнической группы. Китайский и уйгурский языки – местные функционально доминирующие идиомы Синьцзяна, что определяет *многополюсность* языковой ситуации там [7: 38; 9: 38].

Языки Синьцзяна различаются по структурно-генетическим признакам: там функционируют языки типологически различные (изолирующие и агглютинирующие языки) и генетически неродственные (алтайские, тайские, сино-тибетские и австроазиатские языки), что позволяет заключить следующее: современная языковая ситуация в СУАР является *гетерогенной и гетероморфной*. Кроме того, она может быть охарактеризована и как *гомогенная и гомоморфная*: одновременно функционируют языки одной языковой семьи, типологически и генетически схожие, и *гетерогенная и гомоморфная*: одновременно бытуют разные генетически, но морфологически схожие языки [7: 37].

Современная языковая ситуация в Синьцзяне является *разномошной*, так как демографическая мощь её идиомов различна. Максимальный показатель демографической мощи наблюдается у уйгурского языка (0,48), поскольку численность уйгурского населения

в СУАР является наибольшей (более 11 млн человек). Далее следуют китайский (0,37), казахский (0,069), киргизский (0,009), монгольский (0,008), таджикский (0,002), сибирский (0,002), узбекский (0,0008), русский (0,0005) и другие (0,054) языки [9: 34].

Различная коммуникативная мощность языков (от 0,3 до 1) обуславливает *неравновесность* современной языковой ситуации в Синьцзяне. Максимальный уровень коммуникативной мощности имеет китайский язык (1), охватывающий все возможные сферы использования языка. Значительный уровень коммуникативной мощности присущ уйгурскому, казахскому и киргизскому языкам (0,9). Меньший показатель коммуникативной мощности у сибирского (0,7), русского (0,5), таджикского (0,3), узбекского (0,3) и других языков [9: 36].

Русский язык в СУАР, имея низкую демографическую мощность (0,0005), обладает достаточно высоким показателем коммуникативной мощности (0,5) в регионе. Будучи языком немногочисленного славянского этноса в Синьцзяне, он сохраняется на протяжении длительного времени и продолжает функционировать в различных коммуникативных сферах: религиозной [8: 51; 15]; образовательной [8: 51]; культурной [6: 88]; производственной [6: 87]; бытовой, которая является основной для коммуникации на русском языке русскоязычного населения Синьцзяна. В бытовой сфере русский язык представлен просторечно-диалектной формой [8: 50].

Русские и их потомки в современном Синьцзяне как языковые личности

Современный русскоязычный анклав в Синьцзяне обладает собственной спецификой по сравнению с другими русскоязычными анклавами в Китае в начале XXI в. – в Трёхречье и на правобережье Амура. Главная его особенность в том, что в Синьцзяне проживают этнические русские (не метисы) в трёх-четырёх поколениях, сохранившие русский язык своих предков без явных следов интерференции со стороны других языков, в окружении которых они находятся в течение всей жизни.

Источником для изучения русского языка в Синьцзяне выступили записи устной речи русских и их потомков в объёме 26 часов звучащего текста, сделанные в 2018 г. в городах Инин и Урумчи от 8 информантов. В ходе интервьюирования собрана информация о языковых компетенциях более 60 информантов¹.

В основе разработанной типологии языковых личностей (ЯЛ) анализ их русской речи и языковых компетенций. Все ЯЛ принадлежат к потомкам третьей русской переселенческой волны в Синьцзян

(30–40-е гг. XX в.). Следует выделить два основных типа ЯЛ: 1) потомки русских переселенцев – этнические русские; 2) потомки русских переселенцев – метисы. Каждый из типов представлен несколькими подтипами. Внутри типов и подтипов ЯЛ дифференцируются по следующим типологизирующим признакам: 1) по принадлежности к поколению переселенцев; 2) по степени владения русским языком; 3) по составу языковых компетенций в русском языке (понимают/говорят/пишут-читают); 4) по соответствию русской речи нормам русского языка; 5) по наличию/отсутствию интерференции в русской речи; 6) по количеству используемых в коммуникации языков; 7) по функциональному распределению языков.

Тип 1. Потомки русских переселенцев – этнические русские

Подтип 1А. Основной язык – русский.

Это потомки русских переселенцев в **третьем** поколении 1950–1960-х гг. рождения: Александр Сергеевич З., 1958 г. р., и 12 его братьев (Анатолий, Леонтий, Семён, Геннадий, Данила, Алексей, Борис, Виталий) и сестёр (Дина, Татьяна, Лидия, Вера), рождённых с 1953 по 1982 г.; его супруга Алла Ивановна К., 1966 г. р., а также 3 её брата (Аркадий, Борис, Вениамин) и 2 сестры (Ангелина, Екатерина), рождённые в 50-е и 60-е гг.; Римма Ивановна Л., 1955 г. р., а также её брат Николай и сестра Любовь, также рождённые в 1950–1960-е гг. Всего 21 человек, о которых удалось получить информацию. Полагаем, что представителей подтипа 1А сохранилось в современном СУАР гораздо больше.

Все они свободно говорят по-русски на любые темы, имеют обширный лексический запас, используют языковые средства выразительности: образную и эмоционально-экспрессивную лексику, идиоматичные выражения и др. Форму их русской речи можно определить как диалектно-просторечную. Это русская народная речь, которую они усвоили от своих русских родителей.

Большинство представителей этого подтипа обладают полным набором компетенций в русском языке: хорошо понимают русскую речь, свободно говорят, могут писать и читать по-русски. До середины 1960-х гг. они могли обучаться в русских школах, после только родители могли научить русской грамоте: *И двух классов не кончил /самоучка /от родителей // Во время культурной революции здесь напряженно было /книг много пожгли //*[24]. Русская речь представителей подтипа 1А соответствует диалектной норме русского языка. Интерференция под влиянием других языков для их русской речи не свойственна. Все они многоязычны: кроме родного русского языка, владеют китайским, уйгурским, казахским языками в разной степени. Основным языком для представителей подтипа 1А является русский: он используется в

повседневной коммуникации в семье (если супруг русский) и в среде соотечественников при совместной производственной деятельности и в православной общине. Китайский язык, государственный язык, входит в лингвистический арсенал всех представителей подтипа 1А как необходимый инструмент социализации.

Подтип 1Б. Основной язык – китайский.

Это **четвёртое** поколение русских переселенцев в Синьцзян – поколение правнуков, рождённых в 1980–1990-е гг. в Китае в браках с русскими. Это дети Александра Сергеевича З. и Риммы Ивановны Л., а также дети их братьев и сестёр, рождённые в 1980–1990-е гг. XX в. в Китае в браках с русскими: Павел (1985 г. р.), Григорий (1986 г. р.) и Юрий (1987 г. р.) – сыновья Риммы Ивановны; Анна (1990 г. р.), Маргарита (1996 г. р.) и Антонина (1998 г. р.) – дочери Александра Сергеевича З.

Они свободно говорят по-русски, имеют достаточный для коммуникации на разные темы словарный запас. Русский язык для них – это прежде всего язык семейного общения. Однако читать и писать по-русски могут лишь те, кто окончил русскую школу.

Представители подтипа 1Б многоязычны: кроме родного русского языка, они владеют китайским и другими местными языками. Основным языком для них является китайский: он используется во всех сферах коммуникации, кроме семейной. В семье также есть дифференциация по употреблению языков: *Дети между собой по-китайски / с родителями по-русски / все уже работают / живут в Кульдже // [24].* Принципиальное отличие подтипов 1А и 1Б состоит в функциональном распределении языков у разных поколений этнических русских в Синьцзяне. Для подтипа 1Б, представленного самым молодым поколением потомков русских переселенцев, китайский язык оказывается более актуальным. Если в семьях их русских бабушек и дедушек не допускалась коммуникация на чужом языке (*Родители чё-то нас так держали / чтобы своёго не потеряли //; В семье – по-китайски, а раньше – по-русски, родители запрещали ни по-уйгурски, ни по-казахски // [24]*), то их родители проявляют лояльность: *Я сначала запрещал по-китайски говорить, а потом думаю: Зачем? Они живут в Китае // [24].*

Тип 2. Потомки русских переселенцев – метисы.

Подтип 2А. Основной язык – китайский. Русский – неинтерферированный.

Представители этого подтипа относятся ко второму поколению русских переселенцев в Синьцзян, они родились в Китае или были привезены туда в раннем детском возрасте и являются метисами во втором поколении: у них русские матери и отцы-китайцы. Тип

2А представляют: Тамара Васильевна Б., 1946 г. р., род. в Китае, а также её сестра Нина, 1937 г. р.; Раиса Николаевна Я., 1939 г. р., род. в России, переехала с родителями в Китай в возрасте 1 год, а также её родные братья Михаил, Анатолий, Владимир и сестра Тамара, все 1930-х гг. р. Всего 7 человек. Тамара Васильевна Б. и Раиса Николаевна Я. замужем за китайцами.

Представителей подтипа 2А характеризует беглая русская речь, обширный русский словарный запас повседневно-обиходной сферы; они могут свободно говорить на русском языке на разные темы: семья, праздники, продукты питания, садовые и огородные растения и т. п.; используют образные и эмоционально-экспрессивные средства русского языка; владеют русской идиоматикой. Они обладают полным набором языковых компетенций на русском языке: понимают/говорят/пишут-читают. Разговорная речь представителей подтипа 2А в обстановке неофициального дружеского общения соответствует диалектно-просторечной форме русского языка. Их русской речи не свойственна интерференция под влиянием китайского или других местных языков. При коммуникации друг с другом они легко переключаются с русского на китайский язык.

Представители подтипа 2А многоязычны: владеют, кроме русского, китайским языком. Предполагаем знание ими уйгурского и казахского языков по аналогии с другими потомками русских переселенцев в многонациональном и многоязычном Синьцзяне. Представители подтипа 2А своим основным языком считают русский, однако в данном случае очевидна паритетность русского и китайского языков, распределённых по актуальным коммуникативным сферам: общение с соотечественниками – на русском языке, официальная и повседневная коммуникация – на китайском языке.

Подтип 2Б. Основной язык – китайский. Русский – интерферируемый. Представители подтипа 2Б родились в Китае и принадлежат ко второму или третьему поколению потомков русских переселенцев в Синьцзян. Они являются метисами во втором или третьем поколении. Их русские матери или бабушки вышли замуж за китайцев и переехали в Китай. Тип 2Б представляют: Борис Михайлович Г., 1947 г. р., и его родные братья Юрий, 1943 г. р., Леонид, 1949 г. р., Сергей, 1951 г. р., Николай, 1953 г. р., Дмитрий, 1955 г. р., Илья, 1957 г. р. и сестра Евдокия, 1959 г. р.; Вера Михайловна К., 1939 г. р., и её сёстры Галина, 1937 г. р., Тамара, 1943 г. р., Валентина, 1949 г. р., а также её дочь Екатерина, 1963 г. р., и сын Константин, 1967 г. р.; Екатерина Александровна З., 1970 г. р., и её сёстры Лидия, Зоя, Валентина, Людмила, Галина, 1960-х гг. рождения, и братья Геннадий, Николай, Леонид, Иван, 1970-х гг. рождения. Всего 24 человека.

Представители подтипа 2Б менее свободно, чем представители подтипа 2А, говорят по-русски, хотя их словарный запас достаточен для коммуникации на разные темы; они хорошо понимают русский язык и продуцируют развёрнутые высказывания на нем, однако многие не умеют читать и писать по-русски. Их русская разговорная речь представлена в диалектно-просторечной форме. В их русской речи присутствует интерференция под влиянием китайского языка, которая проявляется на всех уровнях языковой системы: в произношении и интонировании (*В Чебучак тоже есь **Моломоф Школа***), в грамматике (*Сейчас **китайски имя** нету; Унас **русский кампаний** есть; Э йеты три уже давнола* (кит.: 了, ла) *уже нету*) и лексике (***Фанзы-то фанзы-то** раньше как мы жили **фанзы*** (кит.: 房子) *вот эти вот?*).

Основным языком у представителей подтипа 2Б является китайский, который они используют во всех ситуациях официального и неофициального общения. Русский язык используется ситуативно – в кругу бывших соотечественников. В семейном общении используется китайский язык, т. к. супруги представителей подтипа 2Б являются китайцами.

Подтип 2В. Основной язык – китайский. Русский язык не используют.

Представители подтипа 2В родились в Китае и принадлежат к третьему, четвёртому или пятому поколению потомков русских переселенцев в Синьцзян, являются метисами в четвёртом или пятом поколении. По-русски они не говорят. К представителям подтипа 2В можно отнести: Аллу, 1991 г. р., дочь Екатерины Александровны З.; Виктора, 1964 г. р., сына Веры Михайловны К.; Надежду, 1958 г. р., жену Бориса Михайловича Г., и его детей – Геннадия, 1974 г. р., Вячеслава, 1978 г. р., Павла, 1981 г. р., Лидию, 1985 г. р., а также пятое поколение метисов – потомков русских переселенцев в Синьцзян – которое по-русски, как правило, уже не говорит. Основным языком является китайский, который они используют во всех ситуациях официального и неофициального общения.

Заключение

Современный русскоязычный анклав в Синьцзяне в отличие от других славянских анклавов в Китае характеризуется сохранением этнических русских в третьем и четвёртом поколениях потомков русских переселенцев и функционированием неинтерферированной русской речи как у этнических русских, так и у метисов во втором поколении. Причины такого положения видятся в следующем:

1. Степень сохранности родного языка в исконном (неинтерферированном) виде в условиях иноязычного окружения коррелирует

с наличием /отсутствием метисации. Отсутствие метисации в третьем-четвёртом поколениях переселенцев способствует сохранению родного языка. Метисация же приводит к постепенному стиранию признаков недоминирующих этносов и исчезновению их языков.

2. Многонациональность и многоязычие региона способствуют толерантному отношению к разным языкам и культурам в регионе, включая русскую, и отсутствию языковой стагнации.

3. Относительно большая численность недоминирующего этноса благоприятствует его воспроизводству и объективной необходимости говорить на родном для этноса языке.

Примечания

1. Информация о языковых компетенциях информантов и членов их семей была получена во время интервью по специально разработанному вопроснику, целью которого было выявление языковых компетенций информантов и членов их семей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бармин В.А.* Влияние этнического фактора на торгово-экономические связи приграничных областей России с провинцией Синьцзян // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы III научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во Барнаульского государственного педагогического университета, 1998. С. 52–54.

2. *Благовидова Т.* Совсем иная диаспора // Мы и Китай. Ежемесячное издание о жизни за Великой стеной. 2017. URL: <http://weandchina.ru/2017/02/15/sovsem-inaya-diaspora> (дата обращения: 8.02.2018).

3. *Ван Ц.* Векторы современного этносоциального и этнокультурного развития уйгур Синьцзян-Уйгурского автономного района // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 166–177.

4. *Виноградов В.А.* Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с.

5. *Гордеев С.В.* Об использовании русского языка в Синьцзян-Уйгурском автономном округе в конце XX – начале XXI в. // Проблемы лингвистики и медиакommunikаций: материалы национальной научной конференции с международным участием. Благовещенск, 2019.

6. *Гордеев С.В.* Русскоязычное население и сферы использования русского языка в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (середина XIX – начало XXI века) // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4 (48). С. 80–92. DOI: 10.35785/2072-9464-2019-48-4-80-92

7. Гордеев С.В. Современная языковая ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (КНР) с участием русского языка: качественные и оценочные признаки // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Т. 8, № 2. С. 32–48. DOI: 10.22250/24107190_2022_8_2_32

8. Гордеев С.В. Сферы использования русского языка в современном Синьцзяне (на материале текстов воспоминаний потомков русских переселенцев) // Вестник Бурятского гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. 2019. № 3. С. 49–53.

9. Гордеев С.В. Оглезнева Е.А. Современная языковая ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (КНР) с участием русского языка: количественные признаки // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6, № 4. С. 29–42. DOI: 10.22250/2410 7190_2020_6_4_29_42

10. Гордеева С.В. Русский язык в приграничном Китае (на материале русской речи русских переселенцев в Китай 20–40-х гг. XX в. и их потомков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 27 с.

11. Гутин И.Ю. Динамика численности русского населения Синьцзян-Уйгурского автономного района (1949–2000 гг.) // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 3. С. 74–82.

12. Капицын В.М., Ван Я. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика // *Ars Administrandi*. 2013. № 3. С. 107–117.

13. Клиновский В.А. Языковая политика КНР в Синьцзяне и её роль в китайско-уйгурском конфликте // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2 (18). С. 140–143.

14. Лашутина Е.Н. История появления русского населения в Синьцзяне и попытки сохранения русской идентичности на современном этапе // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы III международной научно-практической конференции / отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск: Изд-во Благовещенского государственного педагогического университета, 2013. С. 66–68.

15. Ломанов А. Учитель из Кульджи // *Время новостей*. 2003. № 99. URL: <http://www.vremya.ru/2003/99/13/71975.html> (дата обращения: 18.01.19).

16. Монгуш М.В. Русское культурное наследие в Синьцзяне // *Журнал института наследия*. 2016. № 2 (5). С. 1–8.

17. Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007. 512 с.

18. Оглезнева Е.А. Славянские анклав в Китае: этническое и языковое сохранение // *Русин*. 2018. № 2 (52). С. 77–88. DOI: 10.17223/18572685/52/6

19. Оглезнева Е.А., Пустовалов О.В. Русская речь в Китайском Трехречье: языковые особенности // *Русин*. 2022. № 68. С. 299–315. DOI: 10.17223/18572685/68/16

20. Петяшкина Е.А. К вопросу о школьном образовании детей представителей белой эмиграции в Синьцзяне // *Ломоносовские чтения*

на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования: сборник научных статей международной конференции. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2015. С. 2632–2635.

21. *Попов А.В.* Русская диаспора в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: сборник статей. М.: Институт российской истории России РАН, 2001. С. 194–201.

22. *Ровнова О.Г.* Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. 608 с.

23. *Ротарь И.* Необычный Китай. Путевые заметки из Синьцзян-Уйгурского автономного района // Фергана. Информационное агентство. 2011. URL: <http://www.fergananews.com/articles/6936> (дата обращения: 12.02.2018).

24. Русский Синьцзян: материалы научно-исследовательских экспедиций в СУАР // Фоноархив / обр. С.В. Гордеев. Благовещенск, 2018.

25. *Софронова Е.И.* Где ты моя Родина? // Материалы к истории русской политической эмиграции. 2014. Вып. 5. URL: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1204980> (дата обращения: 23.01.2019).

26. *Ставров И.В.* Элосыцзу – осколок русского мира в Китае (о положении русского этнического меньшинства в КНР) // Россия и АТР. 2016. № 4 (94). С. 116–133.

27. *Тимофеев О.А.* Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX – нач. XX вв.). Благовещенск: Изд-во Благовещенского государственного педагогического университета, 2003. 199 с.

28. *Трескин Н.С.* О жизни и о себе // Россияне в Азии. Литературно-исторический ежегодник. 1998. № 5. С. 127–144.

29. Уйгурский язык // ru.knowledgr.com новые знания! URL: <http://ru.knowledgr.com/00222333/%D0%A3%D0%B9%D0%B3%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA> (дата обращения: 23.11.2019).

30. *Хисамутдинов А.А.* В поисках земли обетованной: русские старообрядцы из России через Азию в Америку. 2015. URL: <http://evols.library.manoa.hawaii.edu/bitstream/10524/48722/1/АляскаОбетован.pdf> (дата обращения: 24.01.2021).

31. *Цзяньган В.* Межэтнические отношения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // Вестник антропологии. 2016. № 3 (35). С. 27–53.

32. *Цукада Ц.* Культурная работа, проводившаяся в 1950 г. среди русского населения округа Или (КНР) // На периферии и на чужбине – сравнительное исследование маргиналий русской культуры: сб. статей. Саппоро, 2011. Сб. 2. С. 94–99.

33. *Цукада Ц.* Старообрядцы-кержаки в посёлке Уластай (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) // Международные Заволокинские чтения. Рига, 2010. Сб. 2. С. 65–76.

34. Эпштейн В.А., Бочков Д.А. Политика КНР по интеграции Синьцзян-Уйгурского автономного района: 1949–2018 годы // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, № 6. С. 1442–1454.

35. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб.: Типография О.И. Бахста, 1869. 296 с.

36. 新疆维吾尔自治区人民政府 [Народное правительство Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая]. 2019. URL: <http://www.xinjiang.gov.cn/ljxj/qhrk/mzfb/index.html> (дата обращения: 07.12.2019).

REFERENCES

1. Barmin, V.A. (1998) Vliyanie etnicheskogo faktora na torgovo-ekonomicheskie svyazi prigranichnykh oblastey Rossii s provintsiey Sin'tszyan [The influence of the ethnic factor on trade and economic relations of the border regions of Russia with Xinjiang Province]. In: *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Ethnography of Altai and adjacent territories]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University, pp. 52–54.

2. Blagovidova, T. (2017) *Sovsem inaya diaspora* [A completely different diaspora]. [Online] Available from: <http://weandchina.ru/2017/02/15/sovsem-inaya-diaspora> (Accessed: 8th February 2018).

3. Wang, Z. (2017) Vectors of contemporary ethnic, social, and cultural development of the Xinjiang Uyghur. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2. pp. 166–177 (in Russian).

4. Vinogradov, V.A. (2008) Yazykovaya situatsiya [Language situation]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Direktmedia Publishing.

5. Gordeev, S.V. (2019) Ob ispol'zovanii russkogo yazyka v Sin'tszyan-Uygurskom avtonomnom okruge v kontse XX – nachale XXI v. [On the use of the Russian language in the Xinjiang Uygur Autonomous Region in the late 20th – early 21st century]. *Problemy lingvistiki i mediakommunikatsiy* [Problems of linguistics and media communications]. Proc. of the Conference. Blagoveshchensk: AmSU.

6. Gordeev, S.V. (2019) The Russian-speaking population and the spheres of the Russian language usage in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China (the middle of the 19th – early 21st centuries). *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya SmolGU*. 4(48). pp. 80–92 (in Russian). DOI: 10.35785 / 2072-9464-2019-48-4-80-92

7. Gordeev, S.V. (2022) The present language situation in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (PRC) with the participation of the Russian language: qualitative and estimated characteristics. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 8(2). pp. 32–48 (in Russian). DOI: 10.22250/24107190_2022_8_2_32

8. Gordeev, S.V. (2019) The spheres of the Russian language use in modern Xinjiang (based on the texts of short stories and memoirs recorded from the descendants of Russian emigrants). *Vestnik Buryatskogo gos. un-ta. Yazyk. Literatura. Kul'tura – Bulletin of BSU. Language. Literature. Culture*. 3. pp. 49–53 (in Russian).

9. Gordeev, S.V. & Oglezneva, E.A. (2020) The present language situation in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (PRC) with the participation of the Russian language: Quantitative characteristics. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 6(4). pp. 29–42 (in Russian). DOI: 10.22250/2410 7190_2020_6_4_29_42

10. Gordeeva, S.V. (2015) *Russkiy yazyk v prigranichnom Kitae (na materiale russkoy rechi russkikh pereselentsev v Kitay 20-40-kh gg. XX v. i ikh potomkov)* [The Russian language in border China (based on the material of the Russian speech of Russian immigrants to China in the 1920-40s and their descendants)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

11. Gutin, I.Yu. (2011) Dynamics of the Russian population of the Xinjiang Uygur Autonomous Region (1949–2000). *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 3. pp. 74–82 (in Russian).

12. Kapitsyn, V.M. & Wang, Ya. (2013) The Xinjiang Uygur Autonomous Region of China: Territorial Self-Government and National Policy. *ARS ADMINISTRANDI*. 3. pp. 107–117 (in Russian).

13. Klinovskiy, V.A. (2012) The language policy of China in Xinjiang and its role in the Chinese-uyghur Conflict. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(18). pp. 140–143 (in Russian).

14. Lashutina, E.N. (2013) Istoriya poyavleniya russkogo naseleniya v Sin'tszyane i popytki sokhraneniya russkoy identichnosti na sovremennom etape [History of emergence of the Russian population in Xinjiang and attempts of preservation of the Russian identity at the present stage]. In: Buyarov, D.V. (ed.) *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: History and prospects of cooperation]. Blagoveshchensk: BSTTU. pp. 66–68.

15. Lomanov, A. (2003) Uchitel' iz Kul'dzhi [A teacher from Kuldja]. *News Time*. 3rd June. [Online] Available from: <http://www.vremya.ru/2003/99/13/71975.html> (Accessed: 18th January 2019).

16. Mongush, M.V. (2016) The Russian cultural heritage in Xinjiang. *Zhurnal instituta naslediya – The Heritage Institute Journal*. 2(5). pp. 1–8 (in Russian).

17. Obukhov, V.G. (2007) *Skhvatka shesti imperiy. Bitva za Sin'tszyan* [The battle of the six empires. The Battle for Xinjiang]. Moscow: Veche.

18. Oglezneva, E.A. (2018) The Slavic enclaves in china: ethnic and language preservation. *Rusin*. 2(52). pp. 77–88 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/6

19. Oglezneva, E.A. & Pustovalov, O.V. (2022) The Russian language in the Chinese Three Rivers region: linguistic features. *Rusin*. 68. pp. 299–315 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/68/16

20. Petyashkina, E.A. (2015) K voprosu o shkol'nom obrazovanii detey predstaviteley beloy emigratsii v Sin'tszyane [On the issue of school education of children of the representatives of white emigration in Xinjiang]. In: *Lomonosovskie chteniya na Altai: fundamental'nye problemy nauki i obrazovaniya* [The Lomonosov Readings in Altai: Fundamental problems of science and education]. Barnaul: Altai State University. pp. 2632–2635.

21. Popov, A.V. (2001) Russian Diaspora in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China [Russian Diaspora in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China]. In: *Natsional'nye diasporiy v Rossii i za rubezhom v XIX–XX vv.* [National diasporas in Russia and abroad in the 19th – 20th centuries]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. pp. 194–201.

22. Rovnova, O.G. (2022) *Starobryadtsy Yuzhnoy Ameriki: ocherki istorii, kul'tury, yazyka* [Old Believers of South America: Essays on history, culture, language]. Moscow: YASK.

23. Rotar, I. (2011) *Neobychnyy Kitay. Putevye zametki iz Sin'tszyan-Uygurskogo avtonomnogo rayona* [The Unusual China. Travel notes from the Xinjiang Uygur Autonomous Region]. [Online] Available from: <http://www.fergananews.com/articles/6936> (Accessed: 12th February 2018).

24. Gordeev, S.V. (ed.) (2018) *Russkiy Sin'tszyan: materialy nauchno-issledovatel'skikh ekspeditsiy v SUAR* [Russian Xinjiang. Materials of research expeditions to the XUAR]. Blagoveshchensk: [s.n.].

25. Sofronova, E.I. (2014) Gde ty moya Rodina? [Where are you, my homeland?]. *Materialy k istorii russkoy politicheskoy emigratsii*. 5. [Online] Available from: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1204980> (Accessed: 23rd January 2019).

26. Stavrov, I.V. (2016) Elosizu – a fragment of the Russian world in China (about the situation of the Russian ethnic minority in China). *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 4(94). pp. 116–133 (in Russian).

27. Timofeev, O.A. (2003) *Rossiysko-kitayskie otnosheniya v Priamur'e (ser. XIX-nach. XX vv.)* [Russian-Chinese relations in the Amur region (middle 19th – early 20th centuries)]. Blagoveshchensk: BSTTU.

28. Treskin, N.S. (1998) O zhizni i o sebe [About life and about yourself]. In: Bakich, O. (ed.) *Rossiyanе v Azii. Literaturno-istoricheskiy ezhegodnik* [Russians in Asia. Literary and Historical Yearbook]. 5. pp. 127–144.

29. ru.knowledgr.com (2019) *Uygurskiy yazyk* [Uyghur language]. [Online] Available from: <http://ru.knowledgr.com/00222333/%D0%A3%D0%B9%D0%B3%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA> (Accessed: 23rd November 2019).

30. Khisamutdinov, A.A. (2015) *V poiskakh zemli obetovannoy: russkie starobryadtsy iz Rossii cherez Aziyu v Ameriku* [In search of the Promised Land: Russian Old Believers from Russia through Asia to America]. [Online] Available from: <http://evols.library.manoa.hawaii.edu/bitstream/10524/48722/1/АляскаОбетован.pdf> (Accessed: 24th January 2021).

31. Jiangan, V. (2016) Ethnic relations in Xinjiang Uighur Autonomous Region. *Vestnik antropologii – Herald of Anthropology*. 3(35). pp. 27–53 (in Russian).
32. Tsukada, Ts. (2011) Kul'turnaya rabota, provodivshayasya v 1950 g. sredi russkogo naseleniya okruga Ili (KNR) [Cultural work carried out in 1950 among the Russian population of the Ili District (PRC)]. In: *Na periferii i na chuzhbine – sravnitel'noe issledovanie marginaliy russkoy kul'tury* [On the periphery and in a foreign land – a comparative study of the marginalia of Russian culture]. Vol. 2. Sapporo: [s.n.]. pp. 94–99.
33. Tsukada, Ts. (2010) Old Believers-Kerzhaks in the village of Ulatai (Xinjiang Uygur Autonomous Region of China). *Mezhdunarodnye Zavolokinskie chteniya*. 2. pp. 65–76 (in Russian).
34. Epshteyn, V.A. & Bochkov, D.A. (2018) The Policy of the People's Republic of China on Integration of the Xinjiang Uygur Autonomous Region: 1949–2018. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities*. 160(6). pp. 1442–1454 (in Russian).
35. Yuzefovich, T. (1869) *Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovye* [Russia's treaties with the East. Political and trade]. St. Petersburg: O.I. Bakst.
36. China. (2019) 新疆维吾尔自治区人民政府 [People's Government of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China]. [Online] Available from: <http://www.xinjiang.gov.cn/ljxj/qhrk/mzfb/index.html> (Accessed: 7th December 2019).

Оглезнева Елена Александровна – доктор филологических наук, Томский государственный архитектурно-строительный университет (Россия).

Elena A. Oglezneva – Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (Russia).

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Гордеев Сергей Витальевич – старший преподаватель, Хэйхэский университет (Китай).

Sergey V. Gordeev – Heihe University (China).

E-mail: gordeev-sergei@inbox.ru